

ПРОТОКОЛ СВИДЕТЕЛЯ

Книга первая цикла «Протокол»

АСТАФИЙ АЛЕКСАНДРОВ

Астафий Александров
Протокол Свидетеля

«Автор»

2026

Александров А.

Протокол Свидетеля / А. Александров — «Автор», 2026

Следователь Артём Вязов может увидеть последние фрагменты восприятия погибшего. Цена — одно собственное воспоминание. Какое исчезнет, он узнаёт только после сеанса. На берегу Балтийского моря находят тело сотрудницы янтарного предприятия. Ночной шторм, мокрые камни, рассыпанный янтарь — всё похоже на несчастный случай. Но вода в лёгких погибшей оказывается чужой, а рабочее сообщение, которое привело её на предприятие, кто-то удалил. Протокол Свидетеля даёт Артёму подсказки: запонку, старый производственный код, запах полировочной пасты. Каждая ведёт к новому подозреваемому. Ни одна не доказывает вину. Чтобы раскрыть убийство, Артёму придётся выстроить дело так, будто Протокола никогда не существовало. И заплатить за чужую тайну тем, чего уже нельзя вернуть.

Содержание

Глава 1. На выбросе	5
Глава 2. Чужая вода	10
Глава 3. Семьдесят два часа	15
Глава 4. Последний рабочий день	19
Глава 5. Протокол Свидетеля	24
Глава 6. Цена	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Астафий Александров

Протокол Свидетеля

Глава 1. На выбросе

Первым Артём заметил янтарь.

Не женщину у кромки воды, не белые комбинезоны криминалистов и даже не рыбака, который курил возле патрульной машины, держа сигарету двумя руками. Янтарь лежал на тёмном песке жёлтыми точками — слишком яркими для этого утра.

Ночью прошёл шторм. Теперь море отходило тяжело, с грохотом перекатывая гальку. Низкое небо съело рассвет, и фары служебных машин ещё не успели стать лишними. Ветер гнал по берегу ключья пены и мелкий колючий дождь.

Артём остановился за сигнальной лентой и натянул бахилы поверх ботинок.

— Вязов? — спросил молодой сержант.

— Да.

Сержант приподнял ленту.

— Обнаружил рыбак в шесть сорок. Говорит, ничего не трогал. Документы нашли во внутреннем кармане. Ковтун Алина Сергеевна, двадцать девять лет.

Артём посмотрел на женщину.

Она лежала на правом боку, лицом к воде. Мокрые волосы закрывали щеку. Одна рука оказалась под телом, вторая была вытянута вдоль песка, ладонью вверх. Тёмная куртка растянулась, из-под неё виднелся край светлой рабочей блузки. На коленях и локте — ссадины, неглубокие, с песком в краях.

В двух шагах лежал карманный фонарь. Ещё дальше — телефон с разбитым экраном. Между ними были рассыпаны куски янтаря: мутные, неровные, от бледно-жёлтых до цвета крепкого чая.

Картинка складывалась без усилий. После шторма люди выходили на берег ещё затемно. Искали то, что море вымывало со дна вместе с травой, щепками и мусором. Женщина поскользнулась на мокрых камнях, ударилась, потеряла сознание. Волна сделала остальное.

Такие истории нравились всем. Их можно было понять за минуту.

Артём присел возле ближайшего куска, не выходя за поставленный криминалистом маркер. На поверхности шли тонкие параллельные полосы. Он не стал тянуться к камню даже в перчатке.

Отец учил его иначе.

Сначала поддержи, говорил он. Не царапай, не поджигай, не лей на него всякую дрянь. Просто зажми в ладони. Стекло останется холодным, а янтарь быстро заберёт твоё тепло.

Артём отчётливо помнил его руки: широкие пальцы, тёмную полоску машинного масла у ногтя большого пальца, старый порез возле костяшки. Помнил запах табака от рукава и то, как отец, смеясь, запретил выбрасывать первый найденный кусок, хотя это оказался обычный коричневый осколок бутылки.

«Первая ошибка тоже находка».

Тогда Артёму было девять. Они пришли домой с одним крохотным янтарём и пакетом стекла, обкатанного морем.

— Красивый? — сержант кивнул на жёлтые камни.

Артём выпрямился.

— Пока вещественное доказательство.

— Да я просто... Понял.

Фотограф переместил табличку с номером и сделал ещё два кадра. Вспышка на мгновение выбелила лицо погибшей.

Артём прошёл вдоль внешней границы осмотра. Следы на мокром песке накладывались друг на друга: сапоги рыбака, берцы первого наряда, обувь медиков, широкие полосы от колёс каталки. Ближе к воде всё уже стёрли волны. Если здесь и были следы того, кто пришёл вместе с Алиной Ковтун, море получило достаточно времени, чтобы оставить их себе.

— Где Бирюкова?

— Здесь я.

Настя поднялась из-за тела и стянула с лица защитную маску. Ветер сразу бросил ей на губы прядь волос. Она раздражённо убрала её под капюшон.

— Доброе утро, — сказал Артём.

— Не выдумывай.

Она снова присела, показала криминалисту на ворот куртки, дождалась отдельного снимка и только потом осторожно отогнула ткань пинцетом.

— Что видишь? — спросил Артём.

— Женщину, которую нашли у воды.

— Очень полезно.

— Поэтому меня и вызвали.

Она не любила давать выводы на месте. Артём знал это и всё равно каждый раз пробовал. Иногда её раздражение сообщало больше, чем слова.

Сегодня она раздражалась не только из-за ветра.

— Утонула? — спросил он.

— Похоже. Пена у рта и носа есть, но подтвердить буду после вскрытия. На затылке прощупывается припухлость. Не такая, чтобы сразу объяснить смерть. Ссадины поверхностные.

— Могла удариться и потерять сознание.

— Могла.

— Могла захлебнуться у берега.

— Могла.

— Ты сейчас специально со всем соглашаешься?

Настя посмотрела на него снизу вверх.

— Я не собираюсь спорить с версиями, пока у меня вместо фактов мокрая одежда и холодный труп.

Она попросила перевернуть тело только после того, как фотограф закончил общий план. Двое криминалистов осторожно выполнили команду. Настя следила за каждой рукой, потом наклонилась ближе к спине погибшей.

Артём увидел бледную кожу, неравномерные тёмно-багровые пятна и широкую светлую полосу там, где к телу прижималась складка одежды или твёрдая поверхность. Для него это пока ничего не значило. Для Насти — значило достаточно, чтобы она перестала отвечать односложно.

— Зафиксируйте спину отдельно. С масштабом. И правое плечо.

Фотограф сменил объектив.

— Есть что-то? — спросил Артём.

— Есть причина не торопиться.

Он не стал давить. Отошёл к телефону.

Аппарат лежал экраном вниз возле небольшого гранитного камня. Криминалист уже отметил оба предмета номерами. Когда телефон перевернули, Артём увидел не паутину трещин, а одну глубокую звезду в нижнем углу. В углубление от удара набился светлый песок.

— Могла уронить, — сказал сержант, который всё ещё держался рядом.

— Могла, — отозвался Артём.

Телефон сфотографировали со всех сторон и убрали в пакет. Следом — фонарь. Небольшой, ударопрочный, с резиновой кнопкой на торце.

— Был включён? — спросил Артём.

— Нет. Рыбак говорит, не трогал.

— Проверяли батарею?

Криминалист покачал головой.

— На месте не буду.

— Правильно.

Артём посмотрел на небо. Даже сейчас, после семи, без фонаря можно было различить только крупные предметы. Ночью берег тонул в полной темноте. Если Алина пришла искать янтарь после шторма, зачем оставила свет выключенным? Выронила при падении? Успела выключить? Фонарь погас от удара?

Каждый вопрос имел простое объяснение. Плохо было только то, что объяснений требовалось всё больше.

Он вернулся к янтарю. Криминалист последовательно собирал куски, ставя новые таблички. Одиннадцать. Все лежали в пределах нескольких метров от тела, почти на одной высоте по линии берега.

— Морская капуста где? — спросил Артём.

Сержант не понял.

— Что?

— После шторма янтарь часто идёт вместе с травой и щепой. Здесь чисто.

— Волной унесло.

— Возможно.

Артём посмотрел туда, где выше по берегу скопилась чёрная полоса водорослей. В ней блестели куски пластика, ветки и обрывки рыболовной сети. Если море выбросило янтарь, кто-то уже успел выбрать его оттуда и разложить на чистом песке. Такой кто-то вполне мог быть самой Алиной.

Но тогда рядом должна была лежать сумка, ведёрко, хотя бы пакет.

Ничего не было.

— Карманы? — спросил он.

Криминалист сверился с протоколом.

— Ключи, пропуск, кошелек, салфетки. Во внутреннем — документы. Пакета нет.

— Руки?

— Смывы возьмём. Под ногтями песок, визуально без волокон. Точнее после лаборатории.

Артём кивнул. Он чувствовал знакомое желание связать всё сразу: фонарь, телефон, отсутствие пакета, аккуратный янтарь. Это желание почти всегда приходило раньше доказательств и очень любило притворяться опытом.

Он отошёл к рыбаку.

Тот оказался лет шестидесяти, сухой, в резиновом комбинезоне и выцветшей синей шапке. Сигарета давно погасла, но он продолжал держать её между пальцами.

— Александр Петрович?

— Да.

— Следователь Вязов. Расскажите ещё раз с момента, как спустились к воде.

Рыбак вздохнул. Не раздражённо — с усталостью человека, который уже понял, что правильного количества повторений не существует.

— Машину наверху оставил в шесть двадцать с чем-то. Всегда там ставлю. Спустился по тропе. Темно ещё было. Фонарём светил под ноги. Сначала её не увидел.

- А что увидели?
- Светлое что-то у воды. Подумал, мешок. Подошёл — рука. Я назад сразу.
- Насколько близко?
- Метра два. Может, три.
- Тело не касалось воды?
- Волна доходила до ног. Потом сильнее накрыло. Я не трогал, вы же спрашивали.
- Спрашивал. До вашего приезда на берегу был кто-то ещё?
- Никого. Две машины наверху прошли, но сюда не спускались.
- Янтарь видели?

Рыбак впервые посмотрел прямо на Артёма.

- Видел.
- Не собирали?
- Рядом с мёртвой? — Он поморщился. — За кого вы меня принимаете?
- Пока ни за кого. Камни лежали так же, как сейчас?

Рыбак оглянулся на размеченный участок.

- Наверное. Я на них не смотрел.
- Фонарь у неё горел?
- Нет.
- Телефон?
- Не видел.
- Вы уверены, что подошли только на два-три метра?
- Следы мои найдёте. Я дальше не ходил.

Это было правдой: отпечатки его высоких сапог тянулись по дуге и обрывались у маркера, поставленного первым нарядом. Рыбак приблизился к телу слева, телефон и фонарь лежали справа. Если он что-то и трогал, сцена об этом пока не рассказывала.

- Когда вызвали полицию?
- Сразу. В телефоне посмотрите. Шесть сорок, может, сорок одна.
- Вы часто здесь рыбачите?
- Когда ветер позволяет.
- Сегодня до вас на берегу были люди?
- Не видел. Но темно было, сами понимаете.

Свидетель начал мёрзнуть сильнее: плечи поднялись, пальцы побелели на погасшей сигарете. Артём уточнил контакты, попросил сержанта посадить его в машину и закончить оформление там.

Когда он вернулся, тело уже готовили к перевозке. Лицо Алины открыли на несколько секунд для последней серии снимков.

В кошельке нашли пропуск с той же фотографией. На ней она смотрела чуть в сторону, будто фотограф позвал её слишком поздно. Короткие светлые волосы, тёмные брови, едва заметная складка между ними. На пластике было напечатано: «Эксперт-оценщик».

— Янтарный комбинат? — спросил Артём.

— Предприятие указано в пропуске, — ответил сержант. — Дежурный уже послал туда запрос.

Эксперт-оценщик. Рассыпанный янтарь теперь переставал быть случайной деталью, но яснее от этого не становилось. Возможно, она действительно любила искать камень после шторма. Возможно, тот, кто раскладывал вещи вокруг неё, просто знал её привычки.

Артём поймал себя на слове «кто» и мысленно вернулся назад.

Пока — если.

Если вещи раскладывали.

Если телефон разбили намеренно.

Если тело перемещали.

Он подошёл к Насте. Она стояла у раскрытой задней двери санитарной машины и диктовала заметки в телефон. Дождь стучал по крыше, заглушая отдельные слова.

— Закончили? — спросил Артём.

— На берегу — да.

— Что с пятнами?

Настя убрала телефон в карман.

— После вскрытия.

— Я не прошу заключение. Я прошу понять, почему ты велела снять спину отдельно.

— Потому что распределение не соответствует положению, в котором её нашли.

— Волны могли переворачивать тело.

— Могли. Холод мог замедлить изменения. Давление одежды тоже надо учитывать.

Поэтому я и говорю: после вскрытия.

— Но?

Она посмотрела на закрытый чёрный мешок внутри машины.

— Но несчастный случай пока не подписывай.

— Я ничего не подписываю на берегу.

— Ты уже придумал историю.

— Женщина вышла после шторма за янтарём, упала, ударилась и утонула. История лежит здесь готовая.

— Вот именно.

Санитары закрыли двери. Машина качнулась на песке и медленно пошла к выезду.

Артём остался рядом с Настей. За сигнальной лентой криминалисты снимали последние маркеры. Рыбак сидел в патрульной машине, прижав ладони к решётке обогрева. На месте тела осталась тёмная вмятина, которую быстро заполняла вода.

— Насколько всё плохо? — спросил Артём.

— Пока никак. Это предварительное наблюдение, не больше.

— Наблюдение о чём?

Настя застегнула куртку до подбородка.

— До того как оказаться у кромки моря, она некоторое время лежала иначе.

Артём посмотрел на пакет с фонарём, одиннадцать пустых маркеров и камень, возле которого нашли разбитый телефон.

Несчастный случай никуда не исчез. Просто рядом с ним появилась вторая версия — и выглядела она так, будто кто-то очень хотел, чтобы первой хватило всем.

Глава 2. Чужая вода

К полудню море осталось только в одежде Алины Ковтун.

Вода стекала с куртки в подписанный лоток под секционным столом. На кафеле её не было: санитар успевал вытирать каждую каплю прежде, чем она растекалась. Пахло дезинфицирующим раствором, мокрой тканью и чем-то металлическим, чего Артём предпочитал не называть.

Он стоял за стеклянной перегородкой и смотрел, как Настя снимает перчатки. Она делала это медленно, выворачивая каждую от запястья, и молчала. Плохим знаком молчание не было. Настя одинаково молчала и перед простым ответом, и перед тем, который требовал ещё недели исследований.

На электронных часах над дверью было двенадцать шестнадцать.

— Можно? — спросил Артём, когда она вышла.

— Если не будешь требовать заключение, которое я ещё не подписала.

— Я могу потребовать предварительное мнение.

— Потребовать можешь.

Она прошла к раковине, вымыла руки поверх уже обработанной кожи и долго держала пальцы под водой. Артём ждал. За утро он успел подтвердить личность погибшей, отправить запросы на комбинат и получить три звонка от начальства с одним и тем же вопросом, только в разной форме. Несчастный случай это или нет?

Ответ требовался всем раньше, чем мог появиться.

Настя закрыла кран.

— Вода попала в дыхательные пути при жизни. Есть комплекс признаков, характерный для утопления. Говорю именно «комплекс», чтобы ты не вытащил из моей фразы одно удобное слово.

— Не вытащу.

— Уже вытащил.

— Она утонула.

— Предварительно — да.

Это пока поддерживало историю, найденную на берегу: ударилась, потеряла сознание, захлебнулась. Артём посмотрел через стекло на стол. Тело уже накрыли простынёй до плеч. После того как с кожи смыли песок, повреждения выглядели меньше, чем утром.

— Затылок? — спросил он.

— Ушибленная рана, кровоизлияние в мягкие ткани. Удар прижизненный. Потерять равновесие могла, сознание — возможно, но пока не вижу повреждения, которое само по себе объяснило бы смерть. Нужна гистология, нужна полная токсикология.

— На камни падала?

— На что-то твёрдое. Поверхность неровная. Это всё, что можно сказать сейчас.

— Ссадины на руках?

— Часть прижизненные, часть могли появиться уже после смерти. Песок, камни, движение тела в воде. Я разделю их, когда получу микроскопию тканей. Не сегодня.

Артём достал блокнот. Вверху страницы стояло имя Алины, под ним — время обнаружения и четыре слова: «несчастный случай / инсценировка / перенос». После последнего не было ни вопросительного знака, ни галочки.

— Ещё что-то? — спросил он.

Настя взяла со стола прозрачную папку, но не отдала ему.

— Скрининг дал реакцию на вещество седативного действия.

— Какое?

— Пока никакое.

— Настя.

— Артём. Предварительный тест показывает группу, а не готовое название на этикетке. Возможна перекрёстная реакция. Концентрацию я тоже не знаю. До подтверждения нельзя говорить ни о препарате, ни о дозе, ни о том, могла ли она самостоятельно ходить.

— Но заснуть могла?

— А могла принять обычную таблетку по назначению врача. Или тест ошибся. Через двое суток будет первый подтверждающий результат.

Он записал: «седативное — скрининг, не подтверждено».

— Теперь пятна.

— Я знала, что ты ради них приехал.

— Ради тебя тоже.

— Тогда зря потратил бензин.

Она повела его в соседнее помещение, где на двух мониторах были открыты снимки с берега и фотографии, сделанные перед исследованием. На первом Алина лежала на правом боку, колени немного согнуты, левая рука вытянута к воде. На втором тело было повернуто спиной к объективу. Тёмные участки проступали там, где утром Артём видел только бесформенные пятна.

Настя указала курсором на светлую полосу вдоль лопаток.

— После смерти кровь перемещается в нижележащие сосуды. Там, где тело прижато к поверхности, участки остаются бледнее. Здесь рисунок больше соответствует положению на спине.

— Сколько она так лежала?

— Не знаю.

— Час?

— Не знаю.

— Три?

— Если задашь ещё пять чисел, ответ не изменится.

Артём убрал ручку от бумаги.

— Утром ты сказала: некоторое время.

— И сейчас говорю. Но холод замедляет изменения. Вода меняет теплоотдачу, одежда создаёт собственные зоны давления, после перемещения рисунок может частично перераспределиться. Я могу подтвердить более раннее положение на спине. Превратить его в точные часы пока не могу.

— Волны могли перевернуть её на спину, потом вернуть на бок?

— Могли. Только тогда надо объяснить, где это происходило и почему утром тело лежало почти выше линии обычного прибора.

— Ночью волна была выше.

— Поэтому я не пишу тебе «тело доставили на машине и положили справа налево в четыре двадцать». Я пишу: положение менялось после смерти.

Она увеличила снимок правого плеча. На коже отпечатался широкий край складки куртки.

— Здесь давление было дольше, чем на берегу после обнаружения. Сравню с одеждой и поверхностями, когда криминалисты закончат.

— То есть перенос.

— То есть изменение положения. Слово «перенос» пока твоё.

Артём поставил рядом с ним плюс, не галочку.

В коридоре зазвонил служебный телефон Насти. Она выслушала лаборанта, коротко сказала: «Не сушить до отбора» — и жестом позвала Артёма за собой.

Изъятые с берега вещи находились этажом ниже. Здесь было теплее и пахло уже не моргом, а влажной резиной. Куртка Алины лежала расправленной на металлической сетке. Под ней стоял отдельный лоток. Брюки, обувь и содержимое карманов разложили по столам, не смешивая упаковки.

Фонарь лежал возле специалиста в синем халате. Тот нажал резиновую кнопку, и на белой стене появился плотный круг света.

— Рабочий, — сказал он. — Корпус герметичный, повреждений нет. Батарея заряжена примерно на две трети.

— Сам выключиться мог? — спросил Артём.

— От падения — маловероятно. Кнопка механическая, утопленная. Но если вы хотите категорическое «нет», разберу и проверю контакты.

— Проверяйте.

Фонарь погас. Артём вспомнил берег до рассвета, чёрные камни и рыбака, который шёл, освещая каждый шаг. Искать янтарь без света там было невозможно. Исправный фонарь Алина либо выключила сама, либо кто-то выключил за неё.

Оба варианта пока существовали.

— Телефон покажите.

Специалист сменил перчатки и подвинул к нему прозрачную ёмкость. Экран был расчерчен трещинами только вокруг нижнего угла. В самой глубокой точке застряли светлые крупинки.

— Один основной контакт с твёрдым выступом, — сказал специалист. — Остальные трещины от него. По геометрии больше похоже на сильный удар углом корпуса, чем на падение плашмя.

— Его ударили о камень?

— Возможно. Или он упал углом на камень с достаточной высоты.

— С высоты руки?

— Я не буду изображать баллиста по фотографии треснувшего телефона. Сделаем эксперимент с аналогичным корпусом, посмотрим микроследы на камне и в повреждении. Песок внутри кратера есть, но это берег. Он мог попасть туда после удара.

— Включается?

— Нет. Плата деформирована, разъём повреждён. Память попробуют снять отдельно.

— Вода?

— Индикаторы влаги сработали. Что именно убило аппарат — вода или удар, скажем после вскрытия корпуса.

Настя прислонилась бедром к краю стола.

— У тебя сейчас лицо человека, который уже нашёл молоток в руке подозреваемого.

— У меня лицо человека, у которого исправный фонарь лежал выключенным рядом с телефоном, разбитым одним ударом.

— Это всё ещё два предмета, а не преступление.

— И тело, которое лежало в другой позе.

— Три наблюдения. Не порть их поспешным выводом.

Специалист сделал вид, что занят маркировкой. Артём закрыл блокнот.

— Хорошо. Что ты велела не сушить?

Настя перешла к куртке. С наружной стороны ткань была покрыта светлым песком, почти таким же, как на берегу. Во внутренних складках у застёжки и под воротником застрял другой материал — мелкий, тёмно-серый, с зеленоватым оттенком.

— Это ещё с места заметили? — спросил Артём.

— На мокрой ткани всё выглядело одинаково. Здесь отобрали то, что стекло с одежды, отдельно взяли материал из складок, с подошв и из дыхательных путей. С берега привезли

морскую воду, песок выше и ниже линии прибоя, водоросли, донный материал из мелководья. Сравниваем.

— Быстро.

— Быстро будет только предварительно.

Лаборантка поставила перед ними стойку с пробирками. На этикетках шли коды, время и номера участков. В нескольких жидкость оставалась почти прозрачной. В одной у дна собиралась тёмная пыль.

Настя не стала брать пробирку в руки. Показала на неё концом карандаша.

— Материал, который промылся из глубокой складки под воротником. Похожая мелкая взвесь есть в образце из дыхательных путей.

— А на берегу?

— На берегу преобладает более крупный светлый кварцевый песок. По первой микроскопии набор частиц отличается. Кроме того, в материале из дыхательных путей пока не видим той солёности, которую ожидали бы при морской воде с места обнаружения.

Артём посмотрел на ряд одинаковых пробирок. В одной была вода, которой Алина, возможно, сделала последний вдох. От этой мысли любой лабораторный код становился слишком личным.

— Пресная вода?

— Возможно, менее солёная. Возможно, проба разбавлена тканевой жидкостью или водой, попавшей позже. Нужны повторные измерения. И не начинай искать водоём по цвету ила.

— Я ничего не сказал.

— У тебя опять лицо.

— Удобно. Можно вести допрос молча.

Настя наклонилась к столу и разложила распечатки первых микрофотографий. На одной были угловатые светлые зёрна, на другой — тонкие тёмные пластинки и органические волокна.

— Это не штрихкод конкретного озера, — сказала она. — Даже после полного анализа я не покажу пальцем на карту. Такие частицы могут быть в десятках мест. Но сейчас у нас есть несколько независимых расхождений: материал из глубины одежды, взвесь из дыхательных путей и предварительная солёность. Они не похожи на контрольные образцы с берега.

— «Не похожи» — это уже твоё официальное мнение?

— Это рабочее основание взять пробы из других мест, когда у тебя появятся другие места.

— А до тех пор?

— До тех пор я повторю анализ, дождусь гистологии и подтверждающей токсикологии. Ты проверишь, где Алина была ночью, на чём её могли привезти и где рядом есть вода с такой взвесью.

— Рядом — это сколько?

— Не знаю. Тело могло провести в машине двадцать минут или два часа. Посмертные изменения пока не позволяют установить время. Только последовательность.

— Сначала утонула. Потом лежала на спине. Потом оказалась на берегу на боку.

Настя помолчала.

— Это версия, которая лучше всего соединяет нынешние наблюдения.

От неё он впервые за день услышал почти утвердительный ответ.

Артём открыл блокнот на новой странице. Сверху написал: «Где она была между работой и берегом?» Ниже провёл две линии.

Слева перечислил то, что позволяло оставить несчастный случай: прижизненное утопление, удар затылком, привычка людей выходить за янтарём после шторма.

Справа — то, что не помещалось: прежнее положение на спине, исправный выключенный фонарь, один сильный удар по телефону, отсутствие сумки, различие песка и взвеси.

Вторая колонка получилась длиннее. Это ничего не доказывало, но определяло следующий рабочий день.

— Её привычку ещё никто не подтвердил, — сказала Настя, заглянув в записи.

— На берегу лежал янтарь, а она эксперт-оценщик.

— Это профессия. Не привычка.

Артём зачеркнул слово «привычка» и написал: «предположение».

— Довольна?

— Почти.

Она взяла папку со стола и наконец протянула ему копию первичного листа. На первой странице было больше оговорок, чем выводов. Внизу под строкой «место наступления смерти» стояло: «на данном этапе не установлено».

— Скажи без формы, — попросил Артём. — Одной фразой. Что мне проверять первым?

Настя посмотрела через стеклянную дверь на секционную. Потом на пробирку с тёмным осадком.

— Первые данные указывают, что она захлебнулась не той водой, возле которой её нашли.

— Не в море?

— Я сказала ровно то, что сказала.

Артём вернулся к первой странице блокнота. Напротив слов «место обнаружения» оставил берег и время — 06:40.

Под ними написал новую строку:

«Место смерти — неизвестно».

Глава 3. Семьдесят два часа

В половине шестого Крайнова позвонила и велела ничего не отправлять наверх без неё.

— Что именно не отправлять? — спросил Артём.

— Всё, что превращает утонувшую женщину в дело с международными контрактами.

— Поздно. Запрос на комбинат ушёл утром.

— Запрос пусть идёт. Выводы придержи. В восемь будь в группе.

Она отключилась прежде, чем он успел сказать, что дело пока никто не превращал даже в убийство.

Следующие два часа ушли на бумаги, которые ничего не доказывали, но без которых нельзя было сделать ни одного движения. Артём оформил повторный осмотр телефона, запросил пропускные журналы предприятия и список служебного транспорта, отдельно попросил сохранить резервные копии камер. Последнее он продублировал звонком дежурному специалисту: слишком часто слово «сохранить» начинали понимать только после того, как запись исчезала.

В начале восьмого он вышел во двор управления. Дождь прекратился, асфальт держал в себе жёлтые окна. На лобовом стекле машины лежал один мокрый лист, прилипший черенком к дворнику.

Телефон завибрировал, когда Артём сел.

— Пап, ты едешь? — спросила Соня вместо приветствия.

На заднем плане работал телевизор. Кто-то говорил про редких животных, потом Полина приглушила звук.

— Пока нет. У меня совещание.

— Ты обещал пройти до старой башни.

Он помнил. В воскресенье они проехали мимо неё, и Соня заметила узкую тропу между гаражами. Артём сказал, что вечером там наверняка включают подсветку. Потом пообещал проверить вместе.

— Если закончу вовремя, заеду.

— Ты всегда так говоришь.

Не упрёк. Простая проверка факта.

— Сегодня постараюсь не всегда.

— Так не говорят.

— Поэтому и должно сработать.

Соня не засмеялась, но голос стал мягче.

— Только не в десять. Мне завтра вставать.

— Не в десять.

Он услышал, как Полина что-то сказала ей рядом.

— Мама спрашивает, ты в субботу заберёшь меня с утра или опять после обеда.

— С утра.

— Точно?

— Запиши.

— Я запомню.

Артём посмотрел на мокрый лист под дворником.

— И я.

После звонка он ещё несколько секунд держал телефон у уха. Потом открыл защищённую заметку, которую не показывал ни Соне, ни Полине. В ней стояли даты, места и короткие предложения, написанные его собственной рукой.

«Выпускной. Мама была в синем».

«Первая квартира. Полина разбила чашку».

«Соня, пять лет. Карусель у Верхнего озера».

Факты сохранялись лучше событий. Если перечитать строку, можно было представить фотографию, иногда — достроить движение. Артём считал это приемлемой заменой. Не полной, но достаточной, чтобы не потерять порядок собственной жизни.

Строки он не открыл. Только убедился, что файл на месте, и убрал телефон.

Группа «П-7» занимала четыре комнаты на третьем этаже старого корпуса, куда из нового здания вёл закрытый переход. На дверях не было названия. Табличка сообщала о секторе аналитического сопровождения, и большинство сотрудников управления считало, что там проводят телефонные соединения и финансовые таблицы.

В восемь вечера коридор уже опустел. Артём приложил пропуск к первому считывателю, ввёл код у второго и дождался щелчка внутреннего замка.

За дверью пахло кофе и нагретой электроникой. На общей доске горели пять узких строк — по одной на каждого практика. Две были серыми: занятые дела не подходили под условия Протокола. Одна строка мигала жёлтым, показывая незавершённую проверку. Ещё две оставались свободными.

Крайнова сидела во главе стола. Перед ней лежало первичное заключение Насти и распечатка с реквизитами янтарного предприятия. Справа устроился Юлиан Прист — седой, сухой, в тёмном пиджаке, который выглядел здесь слишком официально. Он основал программу задолго до того, как Артём впервые вошёл в комнату реконструкции, и теперь назывался научным консультантом. Это позволяло ему присутствовать почти везде и не отвечать ни за одно оперативное решение.

Остальные четыре места практиков пустовали. На стене за ними горели их статусы: двое работали по текущим делам, один был отстранён от сессий после медицинского контроля, ещё один находился в командировке. Формально практиков было пять. Практически свободным сегодня оставался Артём.

— Садись, — сказала Крайнова. — Бирюкова будет?

— Она ждёт повторную микроскопию. Если найдёт новое, пришлёт.

— Тогда начнём без неё.

Прист кивнул Артёму так, будто они встретились не вечером в закрытом отделе, а на публичной лекции.

— Соболезную вашему делу, Артём Сергеевич.

— Оно не моё и пока не доказано, что уголовное.

— Именно поэтому вы мне нравитесь.

Крайнова перевернула распечатку.

— Погибшая работала с оценкой экспортных партий. У предприятия три действующих контракта, два из них проходят по межведомственному контролю. Комбинат уже сообщил наверх, что их сотрудницу нашли мёртвой. Наверху хотят понимать, не связано ли это с работой, раньше, чем информация уйдёт наружу.

— И поэтому дело забираем мы?

— Поэтому мы подключаемся. Формально следственная группа остаётся прежней. Ты ведёшь открытую часть. Всё, что относится к реконструкции, остаётся здесь.

Артём раскрыл блокнот.

— У нас пока только утопление, седативный скрининг и признаки переноса. Ни одного опрошенного коллеги. Ни одного подтверждённого маршрута.

— Я знаю.

— Тогда сессия преждевременна.

Крайнова посмотрела на часы над доской. Прист не вмешивался.

— Расчётное окно смерти — между двадцатью и двадцатью двумя часами вчера, — сказала она. — Для допуска система берёт позднюю границу. До закрытия окна осталось сорок девять часов двадцать шесть минут.

Одна из свободных строк на доске стала красной. В ней появились инициалы Алины Ковтун и обратный отсчёт.

Семьдесят два часа с момента смерти. Не с обнаружения, не с регистрации дела и не с решения начальства. После этого след распадался, и никакая аппаратура не могла его удержать.

— У нас почти двое суток, — сказал Артём.

— У нас меньше, — ответила Крайнова. — Медицинский допуск занимает время. Подготовка носителя — время. Если состояние следа ухудшится, к последним часам ты получишь больше шума, чем восприятия.

— Я не войду, пока у меня нет вопросов.

— От тебя никто не требует войти сегодня.

— От меня требуют согласиться сегодня.

Крайнова не отвела взгляда.

— Да.

Артём знал эту часть процедуры. Сначала согласие, потом обследование, затем три пустых поля фокуса. Зрение. Звук. Телесно-эмоциональное восприятие. Заполнить можно было все или одно. Цена оставалась одинаковой.

— Напомню, — сказала Крайнова, — реконструкция не попадёт в материалы дела. Ни одна полученная деталь не станет основанием для задержания, обыска или обвинения, пока ты не найдёшь её обычным путём.

— Мне можно не напоминать.

— Я напоминаю не только тебе.

Прист сложил руки на столе.

— Это разумная предосторожность, — сказал он. — Практик легко путает убедительность пережитого с его объективностью. Жертва могла ошибаться. Могла не узнать знакомого человека или, наоборот, принять незнакомого за того, кого боялась.

— А могла вообще не видеть убийцу, — сказал Артём.

— Разумеется.

— Тогда мы потратим сессию и память, чтобы узнать, что ей было темно и страшно.

— Возможно.

Прист произнёс это без утешения. За это Артём когда-то начал ему доверять: основатель программы никогда не обещал полезного ответа.

Крайнова подвинула к Артёму форму согласия.

— Завтра до четырнадцати ты проводишь первичные допросы, получаешь журналы и формулируешь фокусы. В пятнадцать принимаем решение о запуске. Если обычное следствие даст достаточно, сессию отменяем.

— А дело всё равно останется у нас?

— Пока не поймём, что смерть не связана с контрактами.

Артём прочитал форму. В ней не было слова «память». Вместо него стояло: «необратимое изменение автобиографического доступа». Юристы программы не любили слова, которые можно понять без подготовки.

— Семья погибшей дала согласие? — спросил он.

— По закону оно не требуется, — сказала Крайнова.

— Я спросил не это.

— Семья не знает о группе.

Ответ был привычным и от этого не становился лучше.

Он подписал только согласие на предварительную подготовку.

— В сессию войду после допросов. Если пойму, что она ничего не ускорит, откажусь.

— Принято, — сказала Крайнова.

Прист взял копию формы, проверил номер партии будущего носителя и вернул её в папку. Движения у него были точными, экономными. Человек, сорок лет работавший с чужой памятью, обращался с бумагой осторожнее, чем многие обращались с людьми.

— Вы выросли здесь? — спросил он.

Артём поднял глаза.

— В области.

— Погибшую нашли среди янтаря. Для местного человека это сильный образ.

— Янтарь разложили рядом. Пока неизвестно кто.

— Я не о версии преступления. О резонансе. Вы в детстве собирали его после штормов?

Вопрос мог относиться к медицинской оценке. Перед сессией консультант обязан был отметить темы, способные вызвать слишком тяжёлую реакцию. В личном деле Артёма было место рождения, история семьи и результаты прошлых погружений.

И всё же он не ответил сразу.

— Собирал.

— С кем?

Крайнова закрыла папку.

— Юлиан Маркович, оценка резонанса проводится после утверждения фокусов. Не раньше.

Прист чуть склонил голову.

— Конечно. Профессиональная привычка.

Он улыбнулся Артёму, не требуя ответа. Вежливо, почти виновато.

На доске за его спиной продолжали убывать цифры.

Сорок девять часов две минуты.

Сорок девять часов одна минута.

Артём убрал свою копию согласия в папку. Вопрос Приста можно было объяснить процедурой. Интерес к янтарю — самим делом. Интерес к детству — оценкой риска.

Объяснений хватало.

И всё же по дороге домой Артём вспоминал не условия допуска и не обратный отсчёт, а последний вопрос Приста.

С кем?

Глава 4. Последний рабочий день

Сестра Алины принесла на допрос её домашний халат.

Она держала свёрток в пакете из супермаркета и только в кабинете поняла, что взяла не то. Артём предложил убрать пакет, но Ольга Ковтун прижала его к коленям.

— Она у меня ночевала во вторник. Оставила. Я думала, вам нужны её вещи.

— Нам нужно понять её последний день. Вещи пока не понадобятся.

— А потом?

— Если понадобятся, я скажу точно какие.

Ольга кивнула и поставила пакет под стул. Она была старше Алины на шесть лет и совсем на неё не похожа: тёмные волосы, тяжёлые веки, привычка сжимать губы перед каждым ответом. На столе между ними лежал телефон. Ольга уже дала согласие на осмотр переписки, но всё равно следила за руками Артёма, когда он прокручивал сообщения.

Последнее от Алины пришло в 18:41.

«Задержусь. Опять пересчёт».

Через минуту Ольга отправила фотографию кота, забравшегося в коробку. Ответа не было.

— Что значит «опять»? — спросил Артём.

— У них несколько недель что-то не сходилось. Она говорила про крупные камни. По бумагам одни, в ящиках другие.

— Она называла людей?

— Нет. Я спрашивала. Она сказала: если назовёт, я полезу в интернет и начну искать, а ей нужен не скандал, а доказательства.

— Кому она собиралась их передать?

— Своей безопасности. Или в Москву. Не знаю. Она всё повторяла, что сначала надо собрать цепочку.

— Она кого-нибудь боялась?

Ольга посмотрела на пустой стул у стены.

— Последнюю неделю проверяла замок два раза. Раньше смеялась надо мной, когда я так делала.

— Были угрозы?

— Не говорила.

— За ней следили?

— Не знаю.

— Конфликты вне работы?

Губы снова сжались.

— Дима.

— Фамилия?

— Левин. Они расстались весной, но он не расстался. Неделю назад устроил сцену у кафе. Люди снимали.

— Угрожал?

— Кричал, что она ещё пожалеет.

— Дословно?

— Дословно я не помню.

Артём записал фамилию и подчеркнул: «видео / свидетели». Рядом поставил вопросительный знак, не превращая чужое впечатление в угрозу.

— В день гибели Алины они общались?

— В переписке нет. Но Алина могла удалить.

— Зачем?

— Чтобы я не волновалась.

Ольга произнесла это уверенно, хотя подтверждения не было. Близкие часто достраивали погибшего до человека, которого успели понять при жизни. Артём не спорил. Попросил назвать друзей, врачей, лекарства, привычные маршруты. О седативном скрининге не сказал.

— Она собирала янтарь после штормов? — спросил он в конце.

Ольга впервые ответила сразу:

— Ненавидела.

— Янтарь?

— Холод. Песок в обуви. Толпу с фонариками. Она говорила, что после смены последнее, что хочет видеть, — ещё один камень.

История на берегу лишилась единственного элемента, который делал её личной.

— У неё была сумка или ведро для сбора?

— Нет.

— Фонарь?

— В машине лежал маленький. На случай поломки.

— Машина где?

— На стоянке комбината. Она утром приехала на ней.

Ольга потянулась за пакетом.

— Вы уже знаете, кто это сделал?

— Нет.

— Но это сделали?

Артём закрыл блокнот.

— Я знаю, что ваша сестра утонула и что место, где её нашли, не объясняет всего остального. Этого достаточно, чтобы расследовать её смерть как преступление. Недостаточно, чтобы назвать человека.

Ольга долго смотрела на него, затем кивнула. Честный ответ не успокоил её. Он хотя бы не давал надежду, которую пришлось бы отнимать позже.

К янтарному предприятию Артём и Настя приехали в десять двадцать. За проходной стоял административный корпус из серого стекла, дальше тянулись склады, цеха и закрытые галереи между ними. У турникетов их встретил начальник охраны Олег Леонов — широкий мужчина с короткой седой бородой и голосом, рассчитанным на шум проходной.

— Всё подготовили, — сказал он. — Журналы, камеры, её рабочее место. Руководство просит не останавливать отгрузку.

— Руководство может просить, — ответил Артём.

Леонов улыбнулся, решив, что это шутка.

Алина вошла на территорию в день гибели в восемь сорок две. Её автомобиль всё ещё стоял на служебной парковке. В салоне лежали запасные туфли, бутылка воды и небольшой фонарь в дверном кармане — другой, не тот, который нашли возле тела.

— Выездов по её пропуску нет, — сказал Леонов, листая журнал на планшете. — В девятнадцать ноль четыре она вошла в складской корпус. Потом, видимо, вышла через главный холл вместе с кем-то. Там групповой проход мог не разделиться.

— Камера?

— На выходе из коридора в тот момент запись отсутствует. Ошибка накопителя. Уже оформлена заявка.

— Когда оформлена?

Леонов нашёл строку.

— Сегодня в семь пятнадцать.

— Кто обнаружил?

- Дежурная смена после вашего запроса.
- Служебный транспорт вечером выезжал?
- После девятнадцати — нет.
- Аварийные ворота?
- Открываются только при заявке. Журнал чистый.
- Покажете и журнал, и ворота.
- Конечно.

Леонов говорил охотно. Каждое его объяснение было правдоподобным и появлялось на полсекунды раньше вопроса.

Кабинет Алины находился рядом с лабораторией оценки. На двери висела бумажная полоса с двумя подписями. Леонов дождался понятых, снял пломбу и отступил.

Внутри было душно. На подоконнике стояла кружка с высохшим чайным следом, на столе — две тарелки для образцов, лупа и блокнот в клетку. На мониторе сохранилась наклейка: «Не верь бирке — верь структуре».

Настя прочитала и посмотрела на Артёма.

- Хороший совет.
- Для янтаря?
- Пока для всего.

Криминалист начал снимать комнату. Артём не прикасался к столу. Он смотрел, как Алина распределила работу: слева необработанные карточки, по центру текущая партия, справа завершённые протоколы. В открытом блокноте шёл список номеров. Напротив трёх стояли восклицательные знаки, возле одного — короткая пометка: «повторная сортность, только лично».

- Она была аккуратной, — сказал он.
- Или знала, что за ней проверят, — ответил Леонов от двери.
- Часто проверяли?
- Последний месяц спорила со сбытом. Эксперты всегда спорят со сбытом: одни отвечают за качество, другие за сроки.

В коридоре появился Вадим Селюк. Высокий, гладко выбритый, в белой рубашке без галстука. На рукавах поблёскивали тёмно-медовые запонки.

— Следователь Вязов? — Он протянул руку, но, увидев перчатки Артёма, сразу убрал. — Вадим Андреевич Селюк, руководитель сбыта. Ужасная история. Если понадобятся любые документы, мой отдел открыт.

- Вы видели Алину в день её гибели?
 - Днём, на планёрке. Она опять подняла вопрос по спорной партии.
 - Опять?
 - Алина была принципиальной. Иногда чрезмерно. Могла остановить отгрузку из-за разницы, которую покупатель даже не заметил бы.
 - После планёрки общались?
 - Нет. Я уехал около шести и работал дома.
 - Её вызвали в складской корпус на повторную оценку.
- Селюк посмотрел на Леонова, затем снова на Артёма.
- Значит, дежурный кладовщик обнаружил расхождение. Такое бывает.
 - Кто мог дать распоряжение?
 - Я, мой заместитель, руководитель склада. Система рассылает уведомления автоматически.
 - Покажете свою переписку и удалённые подключения.
 - Разумеется.

Он снова взглянул на опечатанный стол Алины.

— Вы считаете, её смерть связана с работой?

— Я восстанавливаю день.

— Тогда стоит поговорить с её бывшим. Он приходил сюда весной, ждал у проходной. А неделю назад устроил скандал в городе. Алина подала бы заявление, если бы не считала это опасным?

— Подала?

— Насколько знаю, нет.

— Значит, вы знаете не всё.

Селюк принял замечание без обиды.

— Я хочу помочь.

— Тогда пришлите список всех, кто утверждал спорные партии за последние три месяца.

— Сегодня будет.

Он ушёл так же вовремя, как появился. Настя проводила взглядом его спину.

— Запонки заметил? — спросила она.

— Я заметил, что ты заметила.

— Профессиональная болезнь. Камень прессованный.

— По виду?

— По одинаковым полосам. Но отсюда не поручусь.

Артём записал деталь внизу страницы. Пока она относилась только к человеку, любившему дорогие аксессуары.

В компьютере Алины нашли таблицы оценок, рабочие фотографии и письмо без адресата, сохранённое в черновиках. Текст состоял из одной строки: «Расхождение системное, готовлю первичные номера». Вложений не было.

История звонков дала ещё два направления. В 16:12 Алине звонила Елена Ремез, внешний брокер экспортных сделок. Разговор длился четыре минуты. В 18:27 — Дмитрий Левин. Алина не ответила.

На звонок Артёма Ремез не взяла трубку. Через минуту пришло сообщение: «На встрече. Свяжусь позже».

— Удобно, — сказала Настя.

— Пока обычно.

Сотрудники лаборатории описывали Алину одинаковыми словами: внимательная, упрямая, неудобная. Один молодой оценщик вспомнил, что перед уходом она оставила чай и сказала: «Вернусь через двадцать минут». Другая сотрудница видела у неё распечатанный список образцов. Никто не видел, как Алина покинула корпус.

К часу дня на доске переговорной появились четыре фамилии.

Дмитрий Левин — бывший, публичная ссора, неотвеченный звонок.

Елена Ремез — внешний брокер, последний состоявшийся разговор.

Олег Леонов — камеры, ворота, транспорт.

Вадим Селюк — спорная партия, полномочия на вызов, удалённая работа дома.

Под каждой фамилией Артём оставил место. Пустота была полезнее ранней уверенности.

— Время, — сказала Настя.

На телефоне было тринадцать сорок две. В пятнадцать Крайнова ждала решения по сессии.

Специалист предприятия принёс выгрузку уведомлений. В обычном интерфейсе напротив Алины не было ничего после 17:53.

— А вход в склад в 19:04 есть, — сказал Артём. — Она пришла не сама.

— Могли позвонить.

— Могли. Проверьте системные события, резервные очереди, всё, что пользователь не видит.

— Это займёт время.

— У вас есть сорок минут.

Специалист хотел возразить, но Леонов молча кивнул ему.

Через тридцать две минуты на экране появилась строка без текста. Событие было создано в 18:36, доставлено Алине в 18:38 и удалено из пользовательской части системы в 22:11. Содержание уведомления в этой выгрузке не сохранялось.

— Кто отправитель? — спросил Артём.

— Служебная учётная запись отдела сбыта. Она общая для автоматических задач.

— Удалить тоже могла автоматическая задача?

Специалист приблизил журнал.

— Команда пришла от пользователя с правами администратора отдела.

— Имя?

— Здесь только роль. Персональный идентификатор надо поднимать из резервной копии.

Артём сфотографировал экран служебной камерой и посмотрел на часы.

До решения по Протоколу оставалось меньше часа.

Теперь у него был первый вопрос, который стоило задать последним суткам Алины: кто вызвал её обратно — и что она успела понять до того, как сообщение попытались стереть.

Глава 5. Протокол Свидетеля

Перед каждой сессией Артёму задавали один и тот же вопрос.

— Назовите причину, по которой вы можете отказаться.

— Любую.

Врач не подняла глаз от планшета.

— Полным предложением.

— Я могу отказаться от реконструкции без объяснения причин и без последствий для допуска.

— Можете?

Артём посмотрел через стекло в соседнюю комнату. Там Крайнова раскладывала на столе карточки фокусов. Прист стоял у кассеты носителей и разговаривал с техником.

— Могу.

Решение о сессии приняли в пятнадцать, после доклада с предприятия. Подготовка носителя, медицинский контроль и повторная проверка цепи допуска заняли остаток дня. В комнату реконструкции Артём вошёл в двадцать тридцать шесть — до распада следа оставалось чуть больше суток.

— Давление?

— Сто двадцать восемь на восемьдесят два.

— Я сама прочитаю.

— Тогда зачем спрашивать?

— Проверяю, не начали ли вы заранее отвечать за всех.

Врач сняла манжету, проверила зрачки и попросила повторить пять несвязанных слов. Артём повторил. Через минуту — снова. Перед сессией система должна была убедиться, что будущий пробел ещё не существует.

В комнате реконструкции не было ничего мистического. Кресло с регулируемым подголовником, ремни безопасности, два монитора, медицинская стойка и тёмное стекло наблюдения. Аппаратура не открывала чужую память. Она только удерживала практика на границе, с которой тот мог вернуться.

На столе лежали три карточки.

«ЗРЕНИЕ».

«ЗВУК».

«ТЕЛО / ЭМОЦИЯ».

— После первого фокуса можно остановиться, — сказала Крайнова. — Цена спишется полностью.

— Знаю.

— После второго тоже можно остановиться.

— И цена спишется полностью.

— Я обязана слышать, что ты понимаешь.

— Понимаю.

Она подвинула карточки ближе.

— Формулируй не подозреваемого, а признак.

Артём перевернул первую.

— Зрение: детали человека, который находился рядом с Алиной после её входа в складской корпус.

— Слишком широко, — сказал Прист. — За день рядом с ней находились десятки людей.

— В период утраты координации.

Крайнова записала уточнение.

— Звук?

— Речь того же человека. Слова, обращённые к Алине в складском корпусе.

— Телесный?

Артём задержал руку над третьей карточкой.

Можно было попросить момент перемещения. Прикосновение к фургону. Холод воды. Всё, что Настя уже вывела без дара, но ещё не доказала.

— Последовательность от первых признаков седативного действия до попадания в воду.

Врач посмотрела на Крайнову.

— Высокая нагрузка.

— Знаю, — сказал Артём.

— Она говорит не с тобой, — ответила Крайнова.

Прист взял третью карточку, прочитал и положил обратно.

— Телесный фокус редко соблюдает хронологию, — сказал он. — Боль и страх сжимают восприятие. Вы можете получить только повторяющийся телесный импульс.

— Тогда получу его.

— Готовность подтверждаете?

— Подтверждаю.

Крайнова расписалась последней.

Техник закрепил датчики, опустил боковые опоры и попросил Артёма положить ладони на холодные пластины. Свет в комнате приглушили. За стеклом остались четыре силуэта: врач, Крайнова, техник и Прист.

— Назовите себя, — прозвучал голос врача в динамике.

— Артём Сергеевич Вязов.

— Возраст.

— Тридцать семь.

— Где вы находитесь?

— Комната реконструкции «П-7».

— Чьё восприятие принимаете?

— Алины Сергеевны Ковтун.

— Оно не является объективной записью.

— Я знаю.

— Скажите полностью.

— Я принимаю субъективное восприятие Алины Ковтун. Она могла ошибаться, не замечать и неверно понимать происходящее.

— Начинаем зрительный фокус.

Сначала исчез звук вентиляции.

Не стал тише — исчез, будто его никогда не было. Следом пропало давление подголовника. Артём видел закрытые веки изнутри, красноватую темноту, короткие вспышки датчиков. Потом темнота открылась чужими глазами.

На столе лежал янтарь.

Не рассыпанный сырец с берега, а крупные пластины на белой ткани. Чужая рука переворачивала одну пинцетом. Ногти короткие, на указательном пальце тонкий след графита. Алина знала, откуда он: утром сломался механический карандаш.

Знание пришло вместе с изображением и тут же исчезло, не став воспоминанием Артёма.

Лампа над столом была в глаза. За ней стоял человек. Лицо терялось в белом пятне не потому, что Протокол его прятал. Алина щурилась и всё равно не могла навести взгляд.

— Здесь подмена, — сказала она.

Губы произнесли слова без звука. Зрительный фокус оставлял мир немым.

Человек опёрся ладонью о стол. Белый манжет, тёмный рукав, запонка медового цвета. Алина смотрела не на руку — на камень. Внутри запонки шли слишком ровные параллельные линии. Не естественные включения, а течение спрессованной крошки.

Она поняла это сразу. Артём получил её уверенность вместе со способом смотреть: не на блеск, а в глубину, под углом к свету.

Картинка дрогнула. Белая ткань поплыла к краю стола. Чужая ладонь стала двумя ладонями. Алина моргнула, попробовала отодвинуть чашку, но задела её.

Чай расплескался.

Против света человек шагнул ближе. Запонка исчезла.

Артём попытался поднять взгляд к лицу. Ответом стала боль за глазами, не его собственная. Изображение распалось на белые полосы.

— Первый фокус завершён, — сказал голос врача.

Комната вернулась частями. Сначала ремень на груди, затем сухость во рту, затем гул аппаратуры.

— Имя? — спросили в динамике.

— Артём Вязов.

— Где вы?

— «П-7».

— Продолжаете?

Он мог остановиться. Цена уже была взята, хотя он пока не чувствовал её. На столе остались две карточки и один знак: запонка из прессованного янтаря. Такой знак мог принадлежать одному человеку или пятидесяти.

— Продолжаю. Звуковой фокус.

В этот раз темнота наполнилась шумом раньше, чем исчезло кресло.

Скрип пинцета по керамической тарелке. Дождь по высокой крыше. Гудение лампы. Чашка касается стола слишком сильно.

— Вы это уже подписали, — сказала Алина.

Голос мужчины был спокойным.

— Я подписал данные лаборатории.

— Это не те образцы.

— Те же номера.

— Номер можно наклеить на что угодно.

Шорох бумаги. Короткий смешок без веселья.

— Тридцать второй, по старой сетке. Посмотрите ещё раз.

Алина вдохнула, собираясь ответить. Вместо слов вышел кашель.

— Что вы добавили?

— Вам нужно сесть.

Стул ударил ножкой о пол. Мужчина ещё что-то сказал, но слова ушли под низкий гул. Алина слышала собственную кровь в ушах громче, чем его голос.

«Тридцать второй, по старой сетке».

Фраза удержалась. Не имя, не признание. Производственное обозначение, которым человек воспользовался так естественно, что не заметил.

Потом хлопнула тяжёлая дверь.

Другой звук — металлическая защёлка близко от головы.

Двигатель завёлся. В грузовом отсеке зазвенели незакреплённые скобы. Алина попыталась позвать, но услышала только собственное хриплое дыхание.

— Второй фокус завершён.

Артём открыл глаза. Врач стояла уже внутри комнаты и светила фонариком ему в зрачок.

— Короткая ориентация, — сказала она. — Имя.

— Артём Вязов.

— Дата рождения.

Он назвал.

— Кто за стеклом?

— Крайнова, Прист, техник.

— Что получили?

— Фразу. «Тридцать второй, по старой сетке». Мужской голос. Потом грузовой отсек.

— Оцените состояние от нуля до десяти.

— Шесть.

— Было восемь, — сказала врач.

— Значит, улучшаюсь.

Она не улыбнулась.

— Телесный фокус может воспроизвести утопление. Вы вправе завершить сессию.

За стеклом Крайнова держала руку возле кнопки остановки. Решение всё равно оставалось за Артёмом.

Он подумал о тёмной взвеси в пробирке. О том, что тело везли в фургоне. О человеке, который успел разложить на берегу янтарь и рассчитывал, что море закончит за него объяснение.

— Продолжаю.

Врач вернулась за стекло.

— Телесно-эмоциональный фокус. По вашему сигналу прерываем.

Сигнала он не подал.

Чужое тело пришло сразу.

Тяжёлый язык. Непослушные колени. Тошнота, которая поднималась при каждом повороте. Правая щека прижата к холодному ребристому полу.

На рукаве — мелкая пыль. Алина тёрла её большим пальцем ещё в лаборатории, пытаясь понять, откуда взялась. Зёрна царапали кожу. Пахло нагретой смолой, полировочной пастой и металлом.

Запах сменился резиной грузового отсека.

Её тянули за плечи. Затылок ударился о край. Вспышка боли — яркая, короткая, но сознание не исчезло. Руки пытались ухватиться за пол и не слушались.

Холодный воздух.

Под спиной земля. Мелкие камни впивались через куртку. Кто-то остановился, тяжело дыша. Алина чувствовала его пальцы под мышками, но не находила в себе сил сопротивляться.

Потом вода.

Не море. В ней не было движения, не было волны, только ровный холод, который сомкнулся вокруг лица. Алина задержала дыхание. Тело выгнулось, ноги заскребли по мягкому дну.

Одна мысль осталась ясной: надо подняться.

Руки искали опору. Нашли скользкую ткань чужого рукава. Пальцы сжались, ногти сорвались. Человек отдернул руку и нажал сильнее.

Воздух закончился.

Алина ещё удерживала рот закрытым. Потом тело вдохнуло само.

Вода обожгла горло. Кашлянуть было невозможно. Грудь сокращалась без воздуха, в висках билось чужое сердце. В темноте не было лица, только давление на плечо и короткий запах пасты от рукава.

Артём дернул правой рукой.

Ремень удержал её в кресле.

«Остановить?» — спросил голос Крайновой, очень далеко.

Он не мог ответить. У него не было рта отдельно от Алины.

Давление исчезло. Тело опустилось глубже. Под ладонью прошёл мягкий ил. Пальцы сомкнулись на тонкой металлической детали, потянули — и отпустили.

Свет над водой стал серым пятном.

Последним ощущением была не боль. Удивление, что тот, кого она знала, действительно не остановился.

Потом в комнате включили свет.

Артём сидел, наклонившись вперёд, насколько позволяли ремни, и кашлял. Воздух проходил свободно, но тело несколько секунд не верило ему. Врач сняла датчик с пальца, проверила давление и только потом расстегнула грудной фиксатор.

— Не вставайте.

Он и не собирался.

За стеклом техник следил за узкой световой полосой внутри приёмной кассеты. Когда полоса погасла, аппарат выдал прозрачный контейнер. В нём лежал тёмный полимерный квадратик размером с ноготь.

Слепок.

Не воспоминание Алины. То, что отделилось от самого Артёма в оплату за доступ к ней.

Он посмотрел на контейнер и ничего не почувствовал. Так бывало всегда. Потеря не оставляла боли в месте, где исчезала. Чтобы обнаружить пробел, надо было попытаться войти именно в закрытую дверь.

— Имя, — сказала врач.

— Артём Сергеевич Вязов.

— Дочь?

— Соня. Десять лет.

— Последняя встреча?

— В воскресенье. Ездили через старый район, спорили, башня это или водонапорная станция.

— Отец?

— Сергей Вязов. Умер шесть лет назад.

Факты были на месте.

— Первое воспоминание о нём?

Артём закрыл глаза. Увидел мастерскую, синий велосипед, отцовскую спину у гаража. Несколько дверей открылись.

— Есть.

— Не ищите дальше, — сказала врач. — Первичный опрос закончен.

Крайнова вошла и поставила перед ним воду. Артём сделал маленький глоток. На этот раз вода была просто водой.

Техник продиктовал номер контейнера:

— СВ-0417-26. Запись устойчивая. Передаю на контроль.

Прист подошёл к кассете.

— Повторите номер, пожалуйста.

Техник повторил.

— Последние две цифры соответствуют каналу калибровки? — спросил Прист.

— Да. Носитель семнадцатой серии, канал двадцать шесть.

Прист сверил маркировку с формой и поставил короткую подпись. Обычная операция консультанта, отвечавшего за калибровку носителей. Крайнова даже не посмотрела в его сторону.

— Что у тебя? — спросила она Артёма.

Он перечислил: запонка из прессованного янтаря, старая классификация, полировочная пыль, грузовой отсек, стоячая холодная вода. Ни одна деталь не называла убийцу. Вместе они давали направления, которых час назад не было.

— Этого достаточно, — сказала Крайнова. — Остальное обычным путём.

— Остальное всегда обычным путём.

Артём поднялся. Колени выдержали не сразу.

В коридоре он достал телефон. От Сони было сообщение, отправленное в 21:14:

«Башня уже не светится. Я посмотрела из окна машины».

Ниже — фотография тёмного силуэта за мокрым стеклом.

Он помнил обещание. Помнил разговор. Помнил, как выглядела башня.

Всё это ещё принадлежало ему.

Он открыл защищённый список пробелов и добавил новую дату. После неё оставил пустую строку.

Название исчезнувшего дня предстояло узнать позже.

Глава 6. Цена

Утром запонка принадлежала Селюку.

К полудню — Селюку, Леонову, директору комбината, двум бывшим заместителям и любому, кто мог получить сувенирный комплект несколько лет назад.

На доске в «П-7» висела увеличенная фотография его руки из вчерашней беседы. Настя принесла снимки с официального сайта предприятия: одинаковые медовые запонки появлялись на рукавах у разных руководителей на церемониях, выставках и юбилейных фотографиях.

— Ограниченная партия, — сказала она. — Внутренняя мастерская. Прессованная крошка, связующая смола, ровный рисунок. Вещь дешёвая, выглядит прилично.

— Сколько комплектов?

— Предприятие обещало поднять ведомость. Пока нашли шестерых.

— Селюк носил такую вчера.

— И это доказывает, что у него есть запонка.

Артём снял его фотографию с центра доски и прикрепил сбоку. Настя проследила за движением.

— Тяжело?

— Что?

— Отпускать красивую версию.

— Я её не держал.

— Конечно.

На соседнем листе стояла фраза из реконструкции: «Тридцать второй, по старой сетке». Специалист лаборатории объяснил по телефону, что до перехода на цифровой каталог часть сырья действительно называли внутренними номерами. Старую сетку знали сотрудники со стажем больше восьми лет, руководители сбыта, охрана складов и оценщики.

— Список на сорок три человека, — сказала Крайнова. — Селюк есть. Леонов есть. Бывший Алины работал в полировочной мастерской девять лет назад — тоже мог знать.

— Дмитрий Левин, — уточнил Артём.

— Вчера вечером в сети снова подняли видео их ссоры. Уже сорок тысяч просмотров. Комбинат требует официального комментария.

— Пусть требует у пресс-службы.

Крайнова положила перед ним распечатку.

— А это требует от тебя прокуратура. Обоснование, почему дело находится в закрытой группе.

— Потому что руководство сначала испугалось экспортных контрактов.

— Такой ответ им не понравится.

— Зато он точный.

Крайнова не спорила. Взяла маркер и обвела три результата сессии разными цветами.

Запонка — круг руководителей.

Старый код — сотрудники со стажем.

Полировочная пыль — обычная мастерская или экспериментальный участок.

— Где пересечение? — спросила она.

— Пока нигде, — ответил Артём. — Списки неполные.

— Значит, реконструкция не дала подозреваемого.

— Дала три способа ошибиться.

— Уже полезно.

Это прозвучало почти как шутка, но никто не улыбнулся.

Настя разложила на столе спектры первых проб абразива. В материале с рукава Алины были частицы двух типов: обычная полировочная пудра и связующее с компонентом, которого не оказалось в контрольных образцах основной мастерской.

— Если Дмитрий давно там не работает, он мог принести смесь извне? — спросил Артём.

— Мог. Мог оставить след на одежде Алины во время ссоры неделю назад. Мог пользоваться похожим составом в другом месте. А могла ошибаться сама реконструкция: Алина почувствовала запах пасты, но источник находился не на рукаве человека.

— Она касалась ткани.

— Ты прожил, как она касается ткани. Это не одно и то же.

— Для моих пальцев было одним.

— Для дела — нет.

Настя подвинула спектр обратно к себе.

— Я сравню с экспериментальным участком. До результата не превращай запах в обыск у бывшего.

— Для обыска у меня есть публичная угроза и звонок перед смертью.

— Для допроса. Не для заранее выбранного ответа.

Артём хотел возразить, но на стол поставили контейнер с янтарём с берега. Криминалист принёс одиннадцать кусков для сравнительного осмотра: маркировка, вес, поверхность, возможные следы упаковки.

Прозрачные пакеты легли под лампу. Мутно-жёлтые обломки ничем не напоминали гладкую запонку со снимка. Обычный дешёвый сырец, который можно купить килограммами.

Артём взял первый пакет.

Камень лежал на пластике, не касаясь ладони. Он знал, что настоящий янтарь быстро согревается. Знал про солёную воду, ультрафиолет, статическое электричество. Знал, что поджигать находку — самый глупый способ проверки.

Отец учил его на берегу.

Артём потянулся к этому дню и не нашёл входа.

Не темнота. Не забытое лицо. За закрытыми глазами возник берег, но он был собран из других берегов: серое море из окна машины, песок возле тела Алины, фотография из семейного альбома. В центре оставалось ровное место без звука и движения.

Он знал, что отцу было тридцать восемь. Знал, что тот курил и работал с машинами. Знал про пакет морского стекла и первый настоящий кусок. Помнил фразу: «Первая ошибка тоже находка».

Но не слышал, как отец её сказал.

Не видел рук с тёмной полоской масла у ногтя. Не чувствовал камень в своей девятилетней ладони.

Факты стояли рядом, аккуратные и бесполезные.

— Артём?

Он открыл глаза. Пакет с янтарём смялся в пальцах.

— Что? — спросила Настя.

— Ничего.

Она посмотрела на его руку.

— Положи.

— Я держу пакет.

— Именно поэтому положи.

Он вернул образец на стол.

Крайнова закрыла дверь переговорной. Криминалист понял без объяснений, собрал пустые контейнеры и вышел. Одиннадцать пакетов остались под лампой.

— Что потеряно? — спросила Крайнова.

Артём сел.

— День с отцом. Здесь, на берегу. Он показывал, как отличать янтарь от стекла.

— Полностью?

— Я знаю, что это было.

— Сенсорный доступ?

— Нет голоса. Нет рук. Нет самого дня.

Крайнова открыла медицинскую форму.

— Связанные события?

Он проверил осторожно. Гараж. Велосипед. Больница, куда отец попал за месяц до смерти. Они открывались. Отдельные эпизоды, каждый на своём месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.